

как правило, отражены в толковом словаре русского языка, типа *арба*, *инжир*, *камыш*, *каракуль*, *палас*, *пиала* и др.).

В границах проблемы употребления единиц национальной лексики из языков народов СССР в русском тексте особо может быть поставлен вопрос об их модификациях. В лексикографической части исследования О. Назарова во многих случаях заимствование представлено в двух (реже — трех) графемно-фонетических вариантах, которые отражают реальное использование слова в разных художественных текстах, написанных на русском языке или переведенных на русский язык. Приведем некоторые модификации, принимая во внимание тот факт, что первый из вариантов соответствует внешнему облику заимствования, соотносимого с узбекским языком (по данным И. У. Асфандиярова); вместе с тем второй вариант далеко не всегда полностью отвечает нормам туркменского языка. Ср.: *кеклик/кяклик* ('каменная куропатка', туркм. кэкилик), *палван/пальван/пахлаван* ('борец, силач', туркм. палван), *суфа/суна* ('глиняное возвышение во дворе для сидения или лежания', туркм. сыпа), *табиб/таиб* ('лекарь', туркм. тебиб) и др.

Наличие вариантов одного и того же заимствованного слова — явление обычное. Отмечая подобные факты в отношении лексики северокавказского происхождения, И. Е. Гальченко настаивает на предпочтении одного из вариантов: «Морфологическая унификация и сведение к единому написанию регионализмов так же необходимы, как и соблюдение единых правил орфографии, норм культуры русской речи вообще» [9]. Думается, что к вопросу о вариантах заимствований из национальных языков народов СССР следует подходить с тех же позиций, с которых рассматривается проблема языковой вариативности в целом. Во-первых, графемно-фонетические модификации — это совершенно естественное и неизбежное явление в области заимствованной лексики (по словам Р. П. Рогожниковой, «большое количество фонетических, вернее, фонематических вариантов дал процесс освоения заимствованных слов в русском языке» [10]). Во-вторых, вариантность слов наблюдается и в русском литературном языке, реализуясь на различных его уровнях [11]. В третьих, нельзя игнорировать возможность стилистической маркированности вариантов не только в национальном, но и в русском языке.

К сожалению, приходится констатировать, что проблема маркированности заимствований из национальных языков народов СССР, не говоря уже о стилистических характеристиках вариантов подобной лексики, пока исследована очень мало. Художественные тексты на русском языке, тематически и сюжетно связанные с историей и бытом народа, привлекаются, как правило, лишь в качестве иллюстраций использования национальной лексики без контекстуального анализа ее смысловых и экспрессивно-эмоциональных функций. Некоторые сведения, адресованные читателю и преследующие цель более правильного и глубокого понимания текста, приводятся иногда в качестве отдельных пояснений в конце издания. Обычно такого рода комментариями сопровождаются русские переводы восточной классической поэзии. Часто они совпадают по своему характеру и назначению с подстрочными толкованиями слова, репрезентируют его номинативное значение, но в ряде случаев такие пояснения ориентированы на национальную традиционную поэтику. Приведем примеры комментариев к произведениям великого туркменского поэта XVIII в. Махтумкули [12], касающиеся нарицательной лексики и собственных имен: «Нер (нэр, нар, инер) — порода одногорбых верблюдов; с и м в о л м о г у ч е й с и л ы и б л а г о р о д с т в а ; е г о м о щ ь и б у й н о е п о в е д е н и е в з и м н ю ю с т у ж у с л у ж а т у п о д о б л е н и е м д л я с и л ь н о г о , н е у с т р а ш и м о г о м у ж ч и н ы (здесь и далее разрядка наша. — Н. М.)»; «Лейли (Лейла) — имя героини романтической поэмы „Лейли и Меджнун“; сюжет разработан многими восточными поэтами и широко известен на всем мусульманском Востоке; о б р а з д е в у ш к и ,